

УДК 811.11

**ДИСКУРСНАЯ ИРОНИЯ В ДИАЛОГАХ ПЕРСОНАЖЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. ОСТЕН
«ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»)**

Зинченко Наталия Сергеевна

старший преподаватель
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь (Молдавия)

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье проанализированы формы и функции иронических сообщений в изображенных конверзациях персонажей, синтаксические и лексические средства их реализации, выявлены принципы выражения прагматической иронии автора романа.

Ключевые слова: ирония; диалог; когнитивная лингвистика; художественный текст; английский язык.

**DISCOURSIIVE IRONY IN DIALOGUES OF THE NOVEL CHARACTERS
(ON THE MATERIAL OF JANE AUSTEN'S NOVEL
«PRIDE AND PREJUDICE»)**

Zinchenko Nataliya Sergehevna

senior lecturer
Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol (Moldavia)

Abstract. This article provides the analysis of forms and functions of ironic cues in the characters' conversations and of the syntactic and lexical means of their relations, as well as outlines the principles of the expression of the pragmatic irony of the author.

Key words: irony; dialogue; cognitive linguistics; text; English language.

Последние десятилетия, отмеченные постмодернистским восприятием мира как бесконечной игры иронии, возродили интерес к художественной литературе прошлых столетий, в которой современный читатель находит общность образа мыслей современников и представителей давно ушедших поколений. Этим можно объяснить вновь вспыхнувшую популярность писательницы конца XVIII – начала XIX века Джейн Остен: одной из характерных черт ее произведений критики называют тончайшую и всепроникающую иронию, которую чрезвычайно трудно адекватно вычленишь из текстов. Известный литературовед и переводчик Н.М. Демурова в предисловии к изданию русского перевода романа «Гордость и предубеждение» подчеркивала, что ирония у Джейн Остен окрашивает все события, все характеристики, все размышления в совершенно особые тона; она разлита повсюду – но неуловима; ее остро чувствуешь – но она не поддается анализу [1].

Представляется, что невозможность анализа иронии в произведениях Джейн Остен относительна: она была обусловлена четким разделением предметов наук, занимавшихся анализом художественного текста, а также структурной парадигмой – основной исследовательской парадигмой в гуманитарных науках XX века. В соответствии с традиционным подходом ирония в лингвистических исследованиях толковалась и зачастую толкуется и сейчас как стилистический прием, разновидность тропа, антифразис.

Суженное понимание иронии распространено и на формальном уровне (ограниченность лексическим анализом), и на содержательном, однозначно закрепляя противопоставление позитивного выражения негативному значению, хотя в реальном языковом существовании и в художественных текстах нередко встречается обратное: описываемый объект характеризуется отрицательно, хотя общеизвестна его положительная значимость.

До сих пор во многих учебниках по стилистике, диссертационных исследованиях, энциклопедиях и словарях варьируется дефиниция иронии, представленная в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [2, с. 172].

Наметившийся подход к иронии как способу мировосприятия подвел и литературоведов, и лингвистов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка. В последние годы появились работы, в которых ирония рассматривается как текстовая категория, в качестве перспективных методов исследования предложены фреймовый и дискурсивный анализ [3], анализ в терминах речевых актов и др.

Вместе с тем представляется, что адекватность лингвистического анализа зависит, в первую очередь, от четкого определения предмета исследования, выбора терминологической системы и соответствующих единиц.

Учитывая достижения когнитивной лингвистики в области комплексного исследования всех разновидностей языкового существования, считаем необходимым подчеркнуть следующее:

- 1) Как бы мы ни трактовали термин «ирония» в нем должна сохраниться внутренняя форма, в противном случае мы станем приумножать сущности под одним наименованием. Вспомним, что понятие «ирония» возникло еще в античности и связано именем персонажа древнегреческой комедии, который достигал своих целей не путем прямых высказываний, а скрывая свои реальные возможности. Таким образом, ирония – это в буквальном смысле слова «притворство», «лукавство» человека,

который считает себя выше объекта иронии и внутренне подсмеивается над ним.

Основная цель иронии, – изменение психоэмоционального состояния адресата, который может совпадать или не совпадать с объектом иронии, но должен уловить истинный смысл ситуации.

Когнитивная основа иронии – противопоставление реального и должного, формы и содержания, субъекта и объекта иронии.

В ситуациях межличностных коммуникативных актов это противопоставление может быть основано на противопоставлении когнитивных и языковых картин мира, дисгармонии субъективных представлений об истинности, правильности, которая приводит к недопониманию и коммуникативному сбою [4].

Перлокутивный эффект (в том числе и смеховой) коммуникативного акта зависит от семиозиса иронии: формы, интерпретатора, интерпретанты, сигнификации и контекста.

2) Анализ иронии в художественном произведении требует четкого осознания того, что перед исследователем двойной феномен: ирония в изображенном коммуникативном акте – дискурсе персонажей, включенном в текст, который, в свою очередь, становясь коммуникативным актом по отношению к читателю, тоже может быть ироничным. Ирония повествователя (макродискурс) может наслаиваться на конверсацию персонажей (микродискурс) и усиливать иронию одного из них в восприятии читателя как косвенного адресата. Кроме того, языковая форма описания нейтральных диалогов героев может объективировать авторскую иронию по отношению к ситуации в целом.

Джейн Остен – мастер объективации такой многомерной иронии. Диалог в ее романах стал основой поэтики впервые в истории английской прозы. Сложность, аналитизм его построения неоднократно отмечался литературоведами. Одним из величайших художественных открытий романистки считают «двойной» диалог, который имеет две мотивировки –

внешнюю, не адекватную чувствам и настроениям персонажей, и внутреннюю, соответствующую их истинным переживаниям [5].

В тексте романа было выявлено 62 акта конверсации (диалогов и полилогов), которые содержали иронию. При этом большая их часть (38 микродискурсов) расположена в первой книге, во второй и третьей книгах выделено по 12 конверсации. Такая диспропорция обусловлена содержанием романа: именно в первой книге обнаруживаются конфликты между персонажами, однако только на вербальном уровне, а в последующих книгах они получают драматическое развитие.

Ключом к ироническому восприятию вербального поведения героев служит первый абзац романа, задающий систему координат того мира, который будет разворачиваться перед читателем [6, с. 121]:

«It is a truth universally acknowledged that a single man in possession of a good fortune must be in want of a wife» [7, с. 234].

Абсурдность данного утверждения с намеренным подчеркиванием, что это всем известная истина, сразу шокирует читателя. Последующий диалог между мистером и миссис Беннет раскрывает, что перед нами вербализованная автором установка миссис Беннет, чья неумная активность на протяжении всего романа основана именно на такой убежденности. Как писал А. Бергсон, «иногда, притворяясь, говорят о должном как о существующем в действительности: в этом состоит ирония» [8, с. 81].

Ироническая окрашенность речи персонажей объективируется по-разному: или непосредственно через иронические реплики и коммуникативное поведение в диалогах, или проявлением авторской иронии в несобственно-прямой речи, которая представляет собой «сплав речи персонажа и речи автора» [6, с. 174]. При этом иронический эффект создается именно за счет авторской отстраненной передачи содержания реплики.

Ирония активно используется в разговорах нескольких персонажей: мистера Беннет, Лиззи, мисс Бингли, миссис Хёрст. Реже она встречается в речи мистера Бингли, мистера Дарси, Джейн, полковника Фицуильяма и

других. Интеллектуально недалекие персонажи не используют иронию никогда.

Нам удалось выявить два основных мотива использования иронических высказываний в диалоге: защита и воздействие. Каждый из этих мотивов объединяет несколько коммуникативных стратегий.

А. Лосев определил иронию как наиразумнейший, наиболее благороднейший, наиболее изысканный защитный механизм [9, с. 330].

Как защиту от вздорности жены, защиту собственного спокойствия от семейных проблем использует иронию мистер Беннет. Практически все его высказывания в диалогах ироничны. Как комментирует Джейн Остен, кроме чтения книг, только подшучивание над глупостью его развлекало.

В последней книге ирония Лиззи тоже выполняет функцию самозащиты.

Мотив воздействия конкретизируется в стремлениях дискредитировать неприятную особу, уязвить или раздражить, «оживить» (А. Бергсон усматривал иронию в противопоставлении механического и живого).

Тактикой дискредитации чаще всего пользовалась мисс Бингли, которая, подозревая, что Лиззи может стать ее соперницей, постоянно в разговорах с Дарси пыталась высмеять семейство Беннет, а саму Лиззи уязвить в непосредственном с ней общении. Тем самым преследовалась цель воздействовать на Дарси, зародить в нем сомнения относительно достоинств Элизабет.

Способы объективации иронии различны и зависят от функции реплики в диалогическом единстве или в целостной ситуации.

Обобщающей чертой всех иронических высказываний является доброжелательный тон, подчеркнута вежливое обращение, улыбка, на наличие которой указывается в авторском комментарии.

Классический прием антифразиса используется редко. Мы обнаружили его только в репликах мистера Беннета и мисс Бингли. Мисс Бин-

гли, характеризуя Лиззи как некрасивую, постоянно в разговорах с Дарси упоминает ее «*fine eyes*».

В речи мистера Беннета используется несколько способов проявления иронии. В разговорах с миссис Беннет он часто восполняет отсутствующие логические звенья в ее сентенциях, чем доводит мысль до абсурда. Развлекаясь, мистер Беннет может начать говорить, опустив необходимую пресуппозицию, и долго обсуждать ситуацию с недоумевающими собеседниками. Предметом иронии часто становится приверженность к соблюдению этикета, правил поведения в обществе.

Джейн Остен использует очень интересный прием, указывающий на ироническое отношение персонажа к услышанному, – коммуникативное молчание.

Силенциальный эффект активно изучается современной когнитивной лингвистикой и дискурсологией (Н.Д. Арутюнова, Т.А. Анохина, Л.Р. Безуглая, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин) Этот феномен выполняет много функций в коммуникации, а в художественном тексте имеет вербальную и невербальную (графическую) форму выражения. В ответ на услышанную глупость довольно часто Дарси и Беннет просто не отвечают, иногда этим приемом пользуется Лиззи и Бингли. Силенциальный ответ автор всегда обозначает вербально: «*made no answer*»; «*Darcy only smiled*», «*a short pause followed this speech*».

Ирония существует только в рамках коммуникации, поэтому для квалификации высказывания как иронического, необходимо учитывать перлокутивный эффект. Традиционно иронию включают в категорию комического и связывают со смеховым эффектом. С психолингвистической точки зрения ирония, выступающая как насмешка, поддразнивание, раздражает, задевает субъекта иронии, если он слышит ее или наблюдает ее проявление (пренебрежительные улыбки, молчание и пр.). Смех может возникать у стороннего участника коммуникации или адресата, кото-

рый не является объектом иронии. Сам объект иронии, если ее понимает, чувствует обиду или испытывает неловкость.

Для достижения эффекта поддразнивания адресат должен быть уязвимым.

Так, Бингли оказывается от призыва Лиззи дразнить Дарси, потому что тот – само хладнокровие и самообладание – проигнорирует нападки, не придаст им значения, а себя нельзя «подставлять» стремясь смеяться без причины. Действительно, бесконечные иронические поддразнивания мисс Бингли не оказывают желаемого воздействия на Дарси:

Особенностью стиля Джейн Остен можно считать ироническое авторское описание бесед. Прагматическая цель в этом случае – поддразнить читателя, который может испытывать романтическое отношение к главной героине.

Занимаемая автором ироническая позиция предполагает анализирующее, критическое отношение к окружающей действительности с сохранением общей доброжелательности.

Ирония в романе Джейн Остен представляет собой многомерный феномен противопоставления желаемого и действительного, разным образом воплощенный в диалогах персонажей. Два основных мотива использования иронических высказываний в диалоге – защита и воздействие (дискредитация, поддразнивание). Для объективации иронии используются различные приемы: антифразис, восполнение логических звеньев в рассуждениях собеседника, опускание пресуппозиции, гиперболлизация, намеренное подчеркивание должного, коммуникативное молчание и др. Перлокутивный эффект зависит от уязвимости объекта иронии и его способности уловить насмешку.

Список использованных источников

1. Демурова Н. Джейн Остен и ее роман «Гордость и предубеждение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apropospage.ru/osten/ost3.html#l> (дата обращения: 19.09.2014).
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Яновская Г.В. Фреймовая репрезентация иронии в прессе: автореф. ... канд. филол. наук. Харьков, 2006. 24 с.
4. Бардина Н.В. Смех и слезы недопонимания // Язык. Текст. Культура: Сборник научных работ по философии и филологии. Одесса, 2004. С. 236-242.
5. Амелина Т.А. Проблемы реализма в творчестве Джейн Остен: метод и стиль: дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1973. 223 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. С.192.
7. Austen J. *Pride and prejudice*. Wordworth Editios, 2004. P. 233-472.
8. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
9. Лосев А.Ф. История эстетических категорий. М.: Высшая школа, 1966. 425 с.